

МЕСТЬ

В пансіонѣ в Каннах, куда я прїѣхал в концѣ августа с намѣреніем купаться в морѣ и писать с натуры, эта странная женщина пила по утрам кофе и обѣдала за отдѣльным столиком с неизмѣнно сосредоточенным и мрачным выраженіем, точно никого и ничего не видя, а послѣ кофе куда-то уходила почти до вечера. Я жил в пансіонѣ уже с недѣлю и все еще с интересом посматривал на нее: черные густые волосы, крупная черная коса, обвивающая голову, сильное тѣло в красном с черными цвѣтами платьѣ из кретона, красивое, голубоватое лицо — и этот мрачный взгляд... Подавала нам эльзаска, дѣвочка лѣтъ пятнадцати, но с большими грудями и широким задом, очень полная удивительно нѣжной полнотой, на рѣдкость глупая и милая, на каждое слово расцвѣтающая испугом и улыбкой; и вот, встрѣтив ее однажды в коридорѣ, я спросил:

— Dites, Odette, qui est cette dame?

Она, с готовностью и к испугу и к улыбкѣ, вскинула на меня большіе голубые глаза:

— Quelle dame, monsieur?

— Mais la dame brune là-bas?

— Quelle table, monsieur?

— Numéro dix.

— C'est une russe, monsieur.

— Et puis?

— Je n'en sais rien, monsieur.

— Est-elle chez vous depuis longtemps?

— Depuis trois semaines, monsieur.

— Toujours seule?

— Non, monsieur. Il y avait un monsieur...

— Jeune, sportif?

— Non, monsieur. Très pensif, nerveux...

— Et il a disparu un jour?

— Mais oui, monsieur...

«Так, так! — подумал я. — Теперь кое-что понятно. Но куда это исчезает она по утрам? Все его ищет?»

На другой день, вскорѣ послѣ кофе, я, как всегда, услышал в открытое окно своей комнаты хруст гальки в садикѣ пансіона, выглянул — она, с раскрытой, как всегда, головой, под зонтиком того-же цвѣта, что и платье, куда-то уходила скорым шагом в красных эспадрильях. Я схватил трость, канотье и поспѣшил за ней. Она, из нашего переулка, повернула на бульвар Карно. — я тоже повернул, надѣясь, что она в своей постоянной сосредоточенности не обернется и не почувствует меня. И точно — она ни разу не обернулась до самого вокзала. Не обернулась и на вокзалѣ, входя в купе третьекласснаго вагона. Поѣзд шел в Тулон, я на всякій случай взял билет до Сэн-Рафаэля, поднялся в сосѣднее купе. Ъхала она, очевидно, недалеко, но куда? Я высунувшись в окно в Напуль, в Тэуль... Наконец, высунувшись на минутной остановкѣ в Трэйясѣ, увидал, что она идет уже к выходу со станціи. Я выскочил из вагона и опять пошел за ней, держась однако в нѣкотором отдаленіи. Тут пришлось идти долго — и по извивам шоссе вдоль обрывов над морем и по крутым каменистым тропинкам сквозь мелкій сосновый лѣс, по которым она сокращала путь к берегу, к заливчикам, изрѣзывающим берег в этой скалистой, покрытой лѣсом и пустынной мѣстности, этот скат прибрежных гор. Близился полдень, было жарко, воздух неподвижен и густ от запаха горячей хвои, нигдѣ ни души, ни звука, — только пилили, скрежетали цикады, — открытое к югу море сверкало, прыгало крупными серебряными звѣздами... Наконец она сбѣжала к зеленому заливчику между сангиновыми утесами, бросила зонтик на песок, быстро разулась, — была на босу ногу, — и стала раздѣваться. Я лег на каменистый отвѣс, под которым она разстегивала

свое мрачно-цвѣтистое платье, глядѣл и думал, что, вѣрно, и купальный костюм у нея такой-же зловѣщій. Но никакого костюма под платьем не оказалось, — была одна короткая розовая сорочка. Скинув и сорочку, она, вся коричневая от загара, сильная, крѣпкая, пошла по голышам к свѣтлой, прозрачной водѣ, напрягая красивыя щиколки, подергивая крутыми половинками зада, блестя загаром бедр. У воды она постояла, — должно быть, щурясь от ея ослѣпительности, — потом зашумѣла в ней ногами, присѣла, окунулась до плечей и, повернувшись, легла на живот, подтянулась, раскинув ноги, к песчаному побережью, положила на него локти и черную голову. Вдали широко и свободно трепетала колючим серебром равнина моря, замкнутый заливчик и весь его скалистый уют все жарче пекло солнце, и такая тишина стояла в этой знойной пустынѣ скал и мелкаго южнаго лѣса, что слышно было, как иногда набѣгала на тѣло, ничком лежащее подо мной, и сбѣгала с его сверкающей спины и крупных раздвинутых ног сѣть мелкой стеклянной зыби. Я, также лежа на груди и выглядывая из-за камней, все больше тревожился видом этой великолѣпной наготы, все больше забывал нелѣпость и дерзость своего поступка, приподнялся, закуривая от волненія трубку, — и вдруг она тоже подняла голову и вопросительно уставилась на меня снизу вверх, продолжая однако лежать как лежала. Я встал, не зная, что дѣлать, что сказать. Она заговорила первая:

— Я всю дорогу слышала, что сзади меня кто-то идет. Почему вы поѣхали за мной?

Я рѣшилсѣ отвѣчать без обиняков:

— Простите, из любопытства...

Она перебила меня:

— Да, вы, очевидно, любознательны. *Odette* мнѣ сказала, что вы разспрашивали ее обо мнѣ, я случайно слышала, что вы русскій, и потому не удивилась — всѣ русскіе не в мѣру любознательны. Но почему все таки вы поѣхали за мной?

— В силу все той-же любознательности, — в частности и профессиональной.

— Да, знаю, вы живописец.

— Да, а вы живописны. Кромѣ того, вы каждый день куда-то уходили по утрам и это меня интриговало, — куда, зачѣм? — пропускали завтраки, что не часто случается с жильцами пансіонов, да и вид у вас был всегда не совсѣм обычный, на чем-то сосредоточенный. Держитесь вы одиноко, молчаливо, что-то как будто таите в себѣ... Ну, а почему я не ушел, как только вы стали раздѣваться...

— Ну, это-то понятно, — сказала она.

И, помолчав, прибавила:

— Я сейчас выйду. Отвернитесь на минутку и потом идите сюда. Вы меня тоже заинтересовали.

— Ни за что не отвернусь, — отвѣтил я. — Я художник и мы не дѣти.

Она пожала плечом:

— Ну, хорошо, мнѣ все равно...

И встала во весь рост, показывая всю себя во всей своей женской силѣ, неспѣша пробралась по галькѣ, накинула на голову свою розовую сорочку, потом открыла в ней свое серьезное лицо, опустила ее на тѣло. Я сбѣжал к ней и мы сѣли рядом.

— Кромѣ трубки, у вас есть, может быть, и папиросы? — спросила она.

— Есть.

— Дайте мнѣ.

Я дал, зажег спичку.

— Спасибо.

И, затягиваясь, она стала глядѣть в даль, пошевеливая пальцами ноги, не оборачиваясь; иронически сказала вдруг:

— Так я еще могу нравиться?

— Еще бы! — воскликнул я. — Прекрасное тѣло,

чудесные волосы, глаза. Только очень уж недоброе выражение лица.

— Это потому, что я, правда, занята одной злой мыслью.

— Я так и думал. Вы с кѣм-то недавно разстались, кто-то вас оставил...

— Не оставил, а бросил. Сбѣжал от меня. Я знала, что он пропащій человекъ, но я его как-то любила. Оказалось, что любила просто негодяя. Встрѣтилась я с ним мѣсяца полтора тому назад в Монте Карло. Играла в тот вечер в Казино. Он стоял рядом, тоже играл, слѣдил сумасшедшими глазами за шариком и все выигрывал, выиграл раз, два, три, четыре... Я тоже все выигрывала, он это видѣл и вдруг сказал: «Шабаш! Assez!» и повернулся ко мнѣ: «N'est ce pas, madame?» Я, смѣясь, отвѣтила: «Да, шабаш!» — «Ах, вы русская?» — «Как видите.» — «Тогда идем кутить!» Я посмотрѣла — очень потрепанный, но изящный с виду человекъ... Остальное нетрудно угадать...

— Да, нетрудно. Почувствовали себя за ужином близкими, говорили без конца, удивились, когда настал час разставаться...

— Совершенно вѣрно. И не разстались и начали проматывать выигранное. Жили в Монте Карло, в Тюрби, завтракали иногда в кабаках на дорогѣ между Каннами и Ниццей, — вы, вѣрно, знаете, что это стоит! — жили одно время даже в отелѣ на Cap d'Antibes, притворяясь богатыми людьми... А денег оставалось все меньше и меньше, поѣздки в Монте Карло на послѣдніе гроши кончались крахом... Он стал куда-то исчезать и возвращаться опять с деньгами, хотя привозил пустяки — двѣсти, сто, даже пятьдесят франков... потом гдѣ-то продал мои серьги, обручальное кольцо, — я была когда то замужем, — золотой натѣльный крест...

— И, конечно, увѣрял, что вот-вот откуда-то получит какой-то большой долг, что у него есть знатные и состоятельные друзья и знакомые.

— Да, именно так. Кто он, я точно и теперь не знаю. Он избѣгал говорить подробно и ясно о своей прошлой жизни, и я как-то невнимательно относилась к этому. Ну, обычное прошлое многих эмигрантов: Петербург, служба в блестящем полку, потом война, революція, Константинополь... В Парижѣ, благодаря прежним связям, будто-бы устраивался и всегда может устроиться очень недурно, а пока — Монте Карло или же постоянная возможность, как он говорил, перехватить в Ниццѣ у каких-то титулованных друзей... Я уже падала духом, приходила в отчаянье, но он только усмѣхался: «Будь спокойна, положишься на меня, я уже сдѣлал нѣкоторые серьезные демарши в Парижѣ, а какіе именно, это, как говорится, не женскаго ума дѣло...»

— Так, так...

— Что так?

И она вдруг обернулась ко мнѣ, сверкнув глазами, далеко швырнув потухшую папиросу:

— Вас все это потѣшает?

Я схватил и сжал ее руку:

— Как вам не стыдно! Вот я напишу вас Медузой или Немезидой!

— Это богиня мести?

— Да, и очень злая.

Она печально усмѣхнулась:

— Немезида! Уж какая там Немезида! Нѣтъ, вы хорошій... Дайте еще папиросу. Выучил курить... Всему выучил.

И, закурив, опять стала смотрѣть вдаль.

— Я забыл вам сказать еще то, как я был удивлен, когда увидел, куда вы ѣздите купаться, — цѣлое путешествіе каждый день и с какою цѣлью? Теперь понимаю: ищете одиночества.

— Да...

Солнечный жар тек все гуще, цикады на горячих, пахучих соснах пилили, скрежетали все настойчивѣй,

яростнѣй, — я чувствовал, как должны быть накалены ея черные волосы, открытыя плечи, сказал:

— Перейдемте в тѣнь, уж очень жжет, и доскажите мнѣ вашу печальную исторію.

Она очнулась, встала и мы обошли полукруг залива и сѣли в свѣтлой и знойной тѣни под красными утесами. Я опять взял ея руку и оставил в своей. Она точно не замѣтила этого.

— Что ж тут досказывать, — сказала она. — Мнѣ уж как-то расхотѣлось вспоминать эту исторію. Вы, вѣроятно, думаете, что я привычная содержанка то одного то другого мошенника. Ничего подобнаго. Прошлое мое тоже самое обыкновенное. Муж был в Добровольческой арміи, сперва у Деникина, потом у Врангеля, а когда мы докатились до Парижа, стал, конечно, шофером, но начал спиваться и спился до того, что потерял работу, превратился в настоящаго босняка. Продолжать жить с ним я уже никак не могла. Видѣла его послѣдній раз на Монпарнасѣ, у дверей «Доминика», — знаете, конечно, этот русскій кабачек? Ночь, дождь, а он в опорках, топчется в лужах, подбѣгает, согнувшись, к прохожим, протягивает руку за подачкой, неловко помогает, лучше сказать, мѣшает вылѣзть из такси подѣзжающим... Я посмотрѣла, подошла — узнал, испугался, сконфузился, — вы не можете себѣ представить, какой это прекрасный, добрый, деликатный человек, — стоит, растерянно смотрит на меня: «Маша, ты?» Маленькій, оборванный, небритый, весь зарос рыжей щетиной, мокрый, дрожит от холода... Я дала ему все, что было у меня в сумочкѣ, он схватил мою руку мокрой, ледяной ручкой, стал цѣловать ея и трястись от слез. Но что-же я могла? Только посылать ему иногда по сто, по двѣсти франков, — у меня в Парижѣ шляпная мастерская и я довольно прилично зарабатываю... А сюда я пріѣхала отдохнуть, покупаться — и вот... На днях уѣду в Париж. Встрѣтись с ним, дать ему пощечину и тому подобное — очень глупая мечта и, знаете, когда я

поняла это? Вот только сейчас, благодаря вам. Стала рассказывать и поняла...

— Но всетаки как же он сбѣжал?

— Ах, в том-то и дѣло, что уж очень подло. Поселились мы вот в этом самом пансіонѣ, гдѣ мы с вами оказались сосѣдями, — это послѣ отеля-то на **Cap d'Antibes!** — и пошли однажды вечером, всего дней десять тому назад, пить чай в казино. Ну, конечно, музыка, нѣсколько танцующих пар, — я уж больше видѣть не могла без отвращенія всего этого, наглядѣлась достаточно! — однако сажу, ѣм пирожныя, которыя он то и дѣло заказывает для меня и для себя и все как-то странно смѣется, — посмотри, посмотри, говорит про музыкантов, настоящія обезьяны, как топают, кривляются. Потом открывает пустой портсигар, зовет шассера, приказывает ему принести англійских папирос, тот приносит, он разсѣянно говорит мерси, я вам заплачу послѣ чая, глядит на свои ногти и обращается ко мнѣ: «Ужас какія руки! Пойду помою...» Встает и уходит...

— И больше не возвращается.

— Да. А я сажу и жду. Жду десять минут, двадцать, полчаса, час... Представляете вы это себѣ?

— Представляю...

Я очень ясно представил себѣ: сидят за столиком, смотрят, молчат, по разному думают о своем гнусном положеніи... За стеклами больших окон вечерѣющее небо и глянец, штиль моря, висят темнѣющія перья пальм, музыканты, как неживые, топают ногами в пол, дуют в инструменты; бьют в металлическія тарелки, мужчины, шаркая и качаясь, напирают на своих дам, будто таща их к явно опредѣленной цѣли... Малый в крагах и в нѣкотором подобіи зеленого мундира подает ему, почтительно сняв картуз, пачку «High-Life»...

— Ну и что же? Вы сидите...

— Я сажу и чувствую, что погибаю. Музыканты ушли, зал пустѣет, зажегся электрической свѣтъ...

— Посинѣли окна...

— Да, а я все не могу подняться с мѣста: что дѣлать, как спастись? В сумочкѣ у меня всего шесть франков и какая-то мелочь...

— А он дѣйствительно пошел в уборную, сдѣлал там что нужно, думая о своей мошеннической жизни, потом на цыпочках пробѣжал по коридорам к другому выходу, выскочил на улицу... Побойтесь Бога, подумайте, кого вы любили! Искать его, мстить ему? За что? Вы не дѣвочка, должны были видѣть, кто он и в какое положеніе вы попали. Почему же продолжали эту ужасную во всѣх смыслах жизнь?

— Кого я любила? Не знаю. Была, как говорится, потребность любви, которой я по настоящему никогда не испытала... Как мужчина, он мнѣ ничего не давал и не мог дать, уже давно потерял эту способность... Должна была видѣть, кто он и в какое положеніе попала? Конечно, должна, да не хотѣлось видѣть, думать — в первый раз в жизни жила такой жизнью, этим порочным праздником, всѣми его удовольствіями, жила в каком-то наважденіи. Зачѣм хотѣла гдѣ-то встрѣтить его и как-то отомстить ему? Опять наважденіе, навязчивая идея. Развѣ я не чувствовала, что кромѣ гадкаго и жалкаго скандала я ничего не могла сдѣлать? Но вы говорите: за что? А вот за то, что это всетаки благодаря ему я так низко пала, жила этой мошеннической жизнью, а главное, за тот ужас, позор, который я пережила в тот вечер в казино, когда он сбѣжал из клозета, когда я что-то лгала, вывертывалась, умоляла взять у меня в залог до завтра сумочку и когда ее не взяли и презрительно простили мнѣ и чай, и пирожныя, и англійскія папиросы! Послала телеграмму в Париж, получила на третій день тысячу франков, пошла в казино — не глядя на меня, взяли деньги, даже счетик дали... Ах, милый, никакая я не Медуза, Немезида, я просто баба и к тому же очень чувствительная! Я просто больна была всѣ эти дни с того проклятаго вечера. И просто сам Бог послал мнѣ вас, я как-то вдруг пришла в себя... Пустите руку,

пора одѣваться, скоро поѣзд из Сан-Рафаэля...

— Бог с ним, — сказал я. — Посмотрите лучше кругом на эти красныя скалы, зеленый заливчик, корявыя сосны, послушайте этот райскій скрежет.... Ѣздить сюда мы теперь будем уже вмѣстѣ. Правда?

— Правда.

— Вмѣстѣ и в Париж уѣдем.

— Да.

— А что дальше, не стоит загадывать.

— Да, да.

— Можно поцѣловать руку?

— Можно, можно...

3.6.44

Ив. Бунин